ПРИТЧА О ДЯТЛѢ.

Каяться и зарекаться хорошо, коли помнишь слово свое и зарокъ, и, сдѣлавъ разъ худо, станешь впередъ отъ худа бѣгать; а коли клятва твоя и божба крѣпка только до вечера, а съ утра опять принимаешься за то же — такъ и въ добромъ словѣ твоемъ добра мало.

Дятелъ красноголовый лазилъ день–деньской по пнямъ и дупламъ и все стучалъ роговымъ носомъ своимъ въ дерево, все доспрашивался, гдѣ гниль, гдѣ червоточина, гдѣ подстой, гдѣ дрябло, гдѣ дупло, а гдѣ живое мѣсто? стучалъ такъ, что только раздавалось во всѣ четыре стороны по лѣсу. Къ вечеру, глядишь, голова у красноголоваго разболится, лобъ словно обручемъ желѣзнымъ обложило, затылокъ ломитъ, не въ силу терпѣть. Ну, говоритъ, «полно, не стану больше долбить попустому; завтра посижу себѣ смирно,

отдохну, да и впередъ не стану — что въ этомъ проку?»

Закаялся и зарекся нашъ дятелъ; а на утро, ни свѣтъ, ни заря, какъ только пташки въ лѣсу проснулись да защебетали, дятелъ нашъ опять пошелъ долбить и барабанить по сухоподстойнымъ пнямъ. День прошелъ, насталъ вечеръ — опять головушку разломило, и опять онъ закаялся — съ вечера до утра — а утромъ опять принимается за то же.

И крута гора, да забывчива;
И лиха бѣда, да сбывчива;
Кто лжетъ, тотъ и заклинается,
Кто пьетъ, тотъ и зарекается.